

Наталья Антонова

Однажды летним

ДНЕМ

РАССЛЕДОВАНИЕ
30
ЧАШЕЧКОЙ
7010

— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Однажды летним днем
Серия «Уютный детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65469667

Однажды летним днем: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-155090-5

Аннотация

Пытаясь сорвать свадьбу своего бывшего возлюбленного Филиппа с богатой невестой, Виолетта угодила в полицию. А вскоре после этого инцидента его нашли мертвым! И кто теперь поверит, что не Виолетта застрелила Филиппа, над телом которого ее застали с пистолетом в руке? Напрасно девушка твердит о своей невинности: следователь не хочет ее слушать и торопится передать дело в суд. К счастью, у Виолетты есть равнодушные бабушки, которые находят контакты частного детектива Мирославы Волгиной...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	77
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Наталья Николаевна Антонова

Однажды летним днем

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

*Любовь – небывалое чувство!
Вокруг любви вращается мир!
Покорно ей служит искусство!
И для неё весь жизненный пир!
Любовь – бесполезное чувство,
Нет толку в быту от любви.
А коль в кошельке твоём пусто,
Никто не полюбит. Увы!
Любовь – вероломное чувство!
Погубит одним взмахом век!
Так отчего безрассудно
Стремится к любви человек?!*

(Муза, которая мимо пролетала)

© Антонова Н. Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Андриана спала крепко, и, несмотря на жару, ей снился новогодний бал. Самый первый в её жизни! Он проходил в актовом зале лётного училища. Какой же она была тогда юной и наивной!

Она отправилась на него вся в белом, как Снегурочка или невеста. Она трепетала от возбуждения, страха и любопытства, как тот самый котёнок, которого любят показывать в рекламе. Тот малыш благодаря проявленному интересу к чужим шнуркам получил шанс на новую жизнь и, судя по всему, воспользовался им. Кошки вообще мудрые существа. Не то что люди, вздохнула во сне Андриана, и крохотная слезинка скатилась из-под её ресниц на наволочку, пахнущую розмарином.

Андриана точно так же, как крохотный котёнок, получила тогда шанс на новую, можно сказать, заоблачную жизнь.

Но, увы... Она не смогла воспользоваться им так же благоразумно, как маленький котик, уцепившись за шнурок ботинка.

Проснувшись, она не сразу открыла глаза, а когда разлепила ресницы, то увидела, что солнечный луч, умудрившийся проникнуть между двух сдвинутых занавесок, скользит по её подушке.

«Вот проказник», – с улыбкой подумала она.

И вдруг подскочила на кровати – ой, сегодня же первое июня! У Виолетты день рождения!

Виолетта была внучкой Милы, Людмилы Павловны Потаповой, одной из лучших подруг Андрианы Карлсоновны Шведовой-Коваль. Второй её близкой подругой была Леокадия Львовна Стрижевская, Лео.

Но ни у Андрианы, ни у Леокадии детей и соответственно внуков не было, так что Виолетта, как когда-то её мама Аня, была у них общей любимицей, одной на троих.

Подружки росли в общем дворе, учились в одном классе, но выбрали разные вузы. Все три любили книги, но на библиотечный факультет поступила только Мила, Леокадия выучилась на искусствоведа, а Андриана стала учителем физики. Вообще-то, она с детства мечтала о звёздах! Не в том смысле, чтобы лететь к ним, но изучать их, наблюдать за ними в телескопы, как её любимый Николай Коперник, перед которым она благоговела! Ведь он был не только астрономом, но и величайшим доктором. Однако в их городе на астрономов не учили, нужно было ехать в столицу, а уезжать от родителей Андриане, девочке домашней, привязанной к созданным мамой уюту и комфорту, не хотелось. Поэтому Андриана решила стать учителем физики, ведь он и астрономию преподаёт, значит, она сможет и получить нужные знания в вузе, и самостоятельно изучать литературу, касающуюся астрономии, а потом, просеяв добытые сокровища, точно руду, будет передавать самые ценные крупички знаний, золо-

той запас подрастающему поколению.

Примерно тогда она и приобрела в книжном магазине ту головокружительно пахнущую свежей типографской краской репродукцию портрета молодого Николая Коперника с ландышем в руках, которая до сих пор стояла на столике в её спальне.

Каждое утро, просыпаясь, Андриана смущённо здоровалась с учёным – чаще про себя, реже вслух. Засыпая, она кокетливо шептала: «Спокойной ночи, Николая».

Если бы Андриану допросили с пристрастием, откуда же взялось это несколько фривольное обращение – Николая, она, краснея, призналась бы, что позаимствовала его у Анжелики из фильма «Маркиза ангелов». Тогда почти все девчонки поголовно были влюблены в актрису Мишель Мерсье, играющую Анжелику, и мечтали стать похожими на неё. Из их тройцы только Лео никогда ни на кого не хотела быть похожей.

Мысли Андрианы снова улетели в тот далёкий декабрь...

На новогодний бал в лётное училище подружки отправились вместе. Там они и познакомились с кавалерами: Андриана с Артуром, Леокадия с Константином, а Мила с Иваном.

Леокадия разбежалась с Костей через пару месяцев, она вообще никогда не отличалась постоянством в отношениях, ей всегда хотелось чего-то нового, более яркого и волнующего. У Андрианы же с Артуром случилась большая романтическая любовь, полностью захватившая всё её существо и

оставшаяся с ней на всю жизнь, хотя и не судьба им с Артуром была прожить всю жизнь вместе и умереть в один день. Он улетел! Она осталась...

Замуж вышла только Мила, она перевелась на заочное отделение, расписалась со своим Иваном и укатила с ним за тридевять земель, а точнее, в Забайкалье, где располагалась войсковая часть Воздушно-космических сил России. Она писала подругам длинные бумажные письма, в которых скупно рассказывала о житье-бытье офицерской жены, зато ярко живописала окружающую природу и не раз с гордостью подчёркивала, что авиационный полк, в котором служит её Ванечка, прикрывает 2000 километров государственной границы нашей родины.

Через год у Милы родилась дочь, которую назвали Анной, через два Мила вернулась домой с маленькой дочкой на руках, потому что муж её погиб, выполняя боевое задание.

Постепенно боль улеглась, жизнь вошла в привычную колею. Правда, после окончания института Мила недолго проработала библиотекарем. Оказалось, что на пенсию, выплачиваемую Анечке, и зарплату библиотекаря поднимать дочку сложно. Поэтому Мила окончила специальные курсы и устроилась работать бухгалтером. В то время как раз, как грибы после дождя, росли кооперативы.

Подруги не успели оглянуться, как их Анечка выросла и повторила судьбу отца – поднялась в небо и не вернулась.

Незадолго до своей гибели Аня привезла матери ребёнка

и сообщила: «Мама, это моя доченька Виолетта, пусть она побудет пока у тебя».

Мила, как и всякая любящая мать, набросилась на дочь с расспросами: «Анечка, доченька! Как же так?! А где же отец ребёнка? Ты не писала мне, что ты вышла замуж».

Дочь в ответ только отмахивалась и плечами пожимала. Она прожила в родном доме неделю, дожидаясь, когда бабушка и внучка привыкнут друг к другу. Хотя чего там малышке привыкать, если она ещё лежит в колыбели и всё её общение с миром сводится к сосанию большого пальца на ноге и попытках повторить воркование бабушки – гули-гули.

А когда неделя подошла к концу, Анна уехала, и с концами. Мила погоревала, поплакала и поняла, что надо растить внучку. Всё равно больше некому. Хорошо ещё, что подружки всегда были рядом и с готовностью подставляли свои плечи, руки и спины, на которых им, например, приходилось в трудные годы таскать, спуская в подвал, картошку, лук, морковь, тыкву, чтобы сделать запас на долгую зиму и сэкономить лишнюю копейку.

Так вместе и подняли девочку. Выросла Виолетта умницей и красавицей. В институт поступила.

Из глубокого погружения в воспоминания Андриану вытащил, нет, вернее, вырвал, громкий ор кошек. Двум зеленоглазым красавицам-сестрицам надоело ждать, когда же хозяйка наконец раскачается и сытно накормит их.

Андриана воскликнула – ой! – и тут же помчалась на кух-

ню. Не прошло и пяти минут, как кисы довольно чавкали.

Этих особ царских кровей Андриане подарили бывшие ученики. Поначалу она пришла в ужас и закричала, чуть ли не словами из песни Андрея Миронова, – нет! Нет! В том смысле, что могут, мол, случиться дети! Но её заверили, что кошки стерильны.

– Но я не умею с ними обращаться! – кричала загнанная в угол Андриана. – У меня никогда никакой живности не было!

– А как же мухи, тараканы, комары? – ехидно уточняла Лео, очень довольная тем, что Андриане наконец-то придётся заботиться ещё о ком-то, кроме себя и многочисленных растений на окнах, в лоджии и на полу в кадках. Подруга считала, что флоры в жизни Андрианы достаточно, а фауны не хватает.

У самой Леокадии домашний питомец был. Звали его Аристарх Ильич. И он души не чаял в Лео, был в меру разговорчив, галантен и даже нежен. Когда Леокадия, закатив глаза, начинала говорить при посторонних – ах, мой Аристарх Ильич, – слушатели, наострив уши, надеялись узнать подробности интимной жизни любвеобильной Лео. Но Аристарх Ильич был не человеческой особью, а серым попугаем жако, подарком Леокадии от штурмана дальнего плавания, которому она умудрилась вскружить голову за то короткое время, что он пребывал на суше. Наступило время, когда штурману пришлось отправиться в плавание, а Аристарх

Ильич остался с Лео.

У подруги Милы тоже был четвероногий член семьи – Тишка, подобранный на улице беспородный пёсик с шелковистой золотистой шерстью терьера.

И только одна Андриана не хотела ни с кем делить свой дом. Теперь же все знакомые, точно сговорившись, в один голос твердили ей, что она просто не понимает, как ей повезло! Стать хозяйкой двух русских голубых кошек – это настоящее счастье!

Но решающим был тихий голос подруги Милы.

– Анри, ну не выбросишь же ты теперь их на улицу? – спросила подруга и посоветовала: – Смирись.

Андриана попыталась брыкаться:

– А если мне завтра крокодила подарят?

– Вот когда подарят, тогда и думать будем, – мудро рассудила Мила.

И Андриана смирилась, а потом свыклась и уже не представляла себе жизни без этих особ в светло-серых шубках с голубоватым отливом. Назвала она их Фрея и Маруся. Сёстры были очень похожи друг на друга. И отличались, пожалуй, только характером. Фрея оказалась особой самоуверенной и самолюбивой, мало нуждающейся в чьём-либо одобрении, а Маруся была доброй, ласковой и отзывчивой.

Позавтракав, кошки оставили хозяйку в покое и занялись своими собственными делами.

А Андриана, налив себе чашку чаю и сделав пару бутер-

бродов с сыром и колбасой, снова погрузилась в свои мысли. Слушая краем уха щебет птиц за окном, она думала о том, какая Виолетта получилась у них славная. Так и хочется сказать, что красоту их внученьки пером не описать и самой искусной кистью не передать. Пусть она у них одна на троих, но зато какая! Казалось, им только и осталось, что радоваться жизни и поживать на лаврах. Но не тут-то было! Случилась новая напасть: Виолетта влюбилась в своего однокурсника Филиппа Окунева.

И вроде бы что в этом удивительного, все девушки рано или поздно влюбляются.

Но Виолетта влюбилась уж как-то слишком пылко, чем встревожила бабушку.

Андриана отнеслась к влюблённости Виолетты и беспокойству Милы снисходительно.

– Что ты кудахчешь над ней, как клуша, – сказала она беспрестанно беспокоящейся о внучке подруге.

Леокадия, которая не была моралисткой, неожиданно оказалась солидарна с Милой и кандидатуру возлюбленного Виолетты приняла в штыки.

– Ты связалась с сыном лавочника?! – зафыркала Леокадия, едва узнав, чем занимаются родители избранника Виолетты.

– Тётя Лео! Отец Филиппа не лавочник, а владелец супермаркета.

– По мне, это всё одно! – презрительно наморщила нос

Лео.

– Лео у нас известная снобка, – примирительно пробормотала тогда уставшая переживать Мила.

– Может, у них настоящая любовь, – решилась вставить своё слово Андриана.

– Щас! Любовь! В наше-то время, – язвительно заулыбалась Леокадия.

– Ты никогда не верила в любовь, – почему-то обиделась Андриана.

– А ты верила?

– Я да! – ответила Андриана с некоторым вызовом.

И сразу же получила от подружки ощутимый щелчок по самолюбию:

– Что же ты тогда не улетела со своим Артурчиком на крыльях любви?

– Ты же знаешь, что я не могла оставить родителей!

– Глупости! Просто ты сдрейфила отправиться в неизвестность. Вон Милка любила, так пошла за своим Иваном, как только позвал!

Глаза Милы стали мокрыми.

– Извини, Милка, – спохватилась Леокадия, – но ведь у вас с Ваней и вправду была настоящая любовь, коль ты пошла за ним без оглядки.

– Почему была? – тихо спросила Мила. – Я Ваню и сейчас люблю. Надеюсь, что он там, – она посмотрела на небо за окном, – тоже помнит меня и любит. И дочка наша с ним, –

добавила она ещё тише.

– Конечно, – поспешила поддержать подругу Андриана.

– А ты свою жар-птицу сама из рук выпустила, – не уни-
малась, насмешливо глядя на Андриану, Лео.

– Мы поженимся! – вскричала сквозь слёзы Виолетта, не
желающая слушать споры своих бабушек. Надо сказать, что
она всех их называла именно так – бабушками.

– Ха-ха, – парировала Леокадия. И оказалась права.

Длинноногая Виолетта,
Голубые сияют глаза.
Она вся точно музыка лета,
И любятся ей небеса.

В дни младенчества золотые
Над её колыбелью Лель
Тихо пел свои песни простые
И звучала его свирель.

Гасли звёзды – светила ночные,
Ветер в прятки играл с листвой,
Распускались цветы полевые,
Травы пахли полночной росой.

В том, что дети растут, нет секрета —
И притом незаметно для нас.
Стала девушкой Виолетта

И влюбилась, как все, в первый раз.

И, увы, никому не известно,
Повернётся какой стороной
К человеку любовь. Будет честной?
Чистой? Страстной? Иль роковой?

Так случилось и с Виолеттой,
Не догадывалась она,
У любви, в стольких песнях воспетой,
Есть и тёмная сторона...

(Муза, которая мимо пролетала)

Глава 2

Поначалу влюблённая Виолетта летала точно на крыльях! И слышно от неё было только – Филипп это, Филипп то.

Мила тихо радовалась, надеясь, что любовь внучки благополучно завершится свадьбой.

Андриана охотно соглашалась с подругой, осторожно поделившись с ней своими надеждами, и восклицала:

– Нет, не умерла в сердцах молодого поколения романтика! Они способны любить с такой же пылкостью и нежностью, как мы когда-то!

– Ты им ещё Ронсара почитай! – усмехалась не верящая в силу любви молодого поколения Леокадия. – Или сонеты Петрарки!

– А что? – задирала нос Андриана. – Ты думаешь, что строки этих величайших поэтов не найдут в молодых сердцах отклика?

– Про отклик я даже и заикаться не стану, – гнула свою линию Леокадия, – я вообще сомневаюсь, что поколению гаджетов известны такие имена, как Ронсар и Петрарка.

– Но почему?! – сердито сжимала руки в кулачки Андриана.

– Потому что это не лизинг, не мониторинг и не шопоголизм, – хмыкала Леокадия.

– Одно не препятствует другому, – робко замечала Мила.

– Ещё как препятствует! – не уступала Лео.

– А вот твой Андрей Яковлевич читает тебе стихи? – выпятив грудь, шла в атаку Андриана.

– Нет, – качала головой Лео, – Андрюша возит меня на дачу! И мы с ним там цветочки нюхаем, клубничку собираем.

– Тебя всю жизнь на клубничку тянуло, – не осталась в долгу Андриана.

Лео картинно закатила глаза и как ни в чём не бывало продолжила:

– Мне достаточно того, что мне стихи читает Иннокентий Викентьевич.

– Вот!

– Что вот? – спросила Лео и, погрузнев, добавила: – Помнится мне, у Ронсара есть такие строки:

Ни ум, ни сердце, ни душа
В любви не стоят ни гроша.

– Чего не скажешь в минуту отчаяния, – тихо обронила Мила.

– Но Ронсар писал также:

Любовь напастью звать я не могу покуда,
А если и напасть – попасть любви во власть,

Всю жизнь готов терпеть подобную напасть.

– И что хорошего в твоём терпении? – не удержавшись, съязвила Лео. – Твой Соколов давно улетел, а ты всё грезишь о несбыточном.

– Девочки, не ссорьтесь! – расстроенная Мила переводила взгляд с одной подруги на другую. – Бог с ним, с Ронсаром! Мне вот Виолетта говорила, что они с Филей ходили на концерт романсов и песен на стихи Сергея Есенина.

– Понятно, – сказала Лео, – «Не жалею, не зову, не плачу». – И добавила своими словами: – Дай бог нашей Виолетте не зарыдать после грозы.

– После какой такой грозы?! – теперь уже рассердилась перепугавшаяся не на шутку Мила.

Но Лео как в воду глядела. Прошло ещё некоторое время, и на солнышко набежала тучка. Бабушка Мила не могла сказать точно, в какой именно момент изменилась её внучка. Хотя никакого перехода, как ей потом казалось, и не было. Всё изменилось сразу и резко. Вот только что Виолетта заливалась смехом, дурачилась, напевала себе под нос и вдруг помрачнела лицом, перестала смотреть на бабушку прямо, отворачивалась в сторону и молчала. Мила, несмотря на все усилия внучки скрыть печаль, стала замечать, что в глазах девушки часто стояли слёзы. Но только не нежные и благоуханные, как роса на лепестках фиалок, а горькие и злые.

На расспросы бабушки девушка не отвечала, только отмахивалась, как её мать когда-то, чем ещё больше пугала Милу.

А однажды за завтраком девушка горько расплакалась и призналась: Филипп её бросил и собирается жениться на их однокурснице.

Мила пришла в ужас, она выбежала из-за стола, обняла внучку и стала раскачивать её из стороны в сторону, как в те времена, когда Виолетта была маленькой.

– Не надо, бабушка, – сказала внучка, – я пойду, уже опаздываю в универ.

– Но ты не съела ни крошки! – всплеснула руками Мила.

– Бабуль, я не хочу.

– Постой, Виолетта! Может быть, всё ещё изменится! И твой Филипп одумается и вернётся к тебе! Поверь мне, у мужчин иногда бывают залёты!

– Залёты бывают только у девушек, – как-то неожиданно по-взрослому цинично отозвалась Виолетта.

– Я не то имела в виду, – густо покраснела бабушка.

– А что же?

– Просто мужчинам свойственны увлечения.

– Как говорит бабушка Лео, не забудь спустить кобеля на ночь с цепи, набегается и к утру домой вернётся.

– И где ты только такой пошлости нахваталась? – всплеснула руками Мила.

– Да у твоих подруг и нахваталась, – парировала Виолетта, не вытирая злых слёз, выступивших на глазах.

– Виолетта! Я умоляю тебя!

– Да успокойся уже, бабушка! Увлечения – это не про Филиппа!

– Я не понимаю тебя, – совсем растерялась Мила.

– Просто ему отец велит жениться на Майке Лоскутовой!

– Как это велит? – опешила Мила. – У нас ведь нет крепостного права.

– Бабушка! – закричала Виолетта. – Ты всё ещё мыслишь категориями своего советского прошлого! Да! – девушка топнула ногой. – У нас нет крепостного права! У нас дикий капитализм!

– Но почему именно на Майе? – решила спросить Мила.

– Потому что у Лоскутовой отец банкир! А кто мой отец?! У меня его вообще нет! – Слезы брызнули из глаз девушки. – Только бабушка-пенсионерка!

– Господи боже мой, – чуть слышно прошептала Мила.

– Ты бы ещё воскликнула: «О, времена! О, нравы!» И боже не поможет! Спроси у бабушки Лео! Если он, конечно, не бог денег Мамона!

– Но если Филипп тебя любит, он может отказаться от денег.

– Святая наивность! – воскликнула, заламывая в отчаянии руки, Виолетта. – Бабушка! Опомнись, кто в наше время отказывается от денег?! Никто! Мы живём в обществе потребления! Все только и думают, как одеться круче других, как отхватить такую тачку, чтобы окружающие помирали от

зависти, как мухи от мороза!

– Девочка моя родная! Но ведь счастье не в деньгах!

– А в чём?! В чём? Ты только и можешь, как попугай, повторять банальности, которые тебе вбили в голову в советской школе! А времена изменились!

– Но в мире по-прежнему есть любовь, родина, чувство долга! Вот твой дедушка...

– Бабушка! Умоляю тебя! Никому никакого дела нет до моего дедушки! – Виолетта, вся красная, с горящими глазами, как ошпаренная выскочила за дверь.

А Мила застыла на месте и пришла в себя только тогда, когда за внучкой захлопнулась дверь.

– Что же делать? Что же делась? – воскликнула она и принялась названивать подружкам.

Но те отреагировали совсем не так, как она ожидала.

Лео заверила её, что всё пройдёт и Виолетка скоро влюбится в другого, мол, на Филипке свет клином не сошёлся.

А Андриана тихо обронила:

– Это не смертельно, с этим можно жить.

И тогда Мила почему-то сорвалась именно на Андриану:

– Так, как ты?! Да?! Лучше бы ты тогда забеременела от своего Артура Соколова! – вырвалось у неё в сердцах!

– Типун тебе на язык! – почему-то всерьёз перепугалась Андриана.

Подруги несколько дней не созванивались, но потом встретились, сделав вид, что никакая чёрная кошка между

ними не пробегала.

Виолетта пару месяцев не давала бабушке особых поводов для беспокойства. Была она, конечно, притихшей и печальной, но по утрам завтракала и в университет ходила, а все вечера проводила дома, закрывшись у себя в комнате.

Тишке обычно удавалось просочиться в комнату вслед за девушкой, и он лежал либо у неё в ногах, либо рядом с ней на кровати.

Мила этому тихо радовалась, ей казалось, что Тишка, этот верный хвостатый нянь, присматривает за её внучкой.

Наступил месяц май. Андриана хорошо помнила то утро. Вернее, самое его начало. Она встала пораньше, чтобы встретить рассвет, и долго стояла на цыпочках, точно балерина, перед распахнутым настежь окном. Руки у неё при этом были сложены на груди, ладонь прижата к ладони. Она и молилась чуду возрождающейся жизни, и восхищалась им одновременно.

В воздухе разливалось такое насыщенное благоухание, в котором было всё! И смолистый запах тополиных почек, и тонкий аромат подснежников, окроплённых ночными росами, и ещё что-то волнующее, неуловимое, что если и можно ощутить, то не обонянием, а душой, распахнутой настежь навстречу миру, возродившемуся из снежной пены и зазвучавшему многоголосием ручьёв.

Андриане Карлсоновне в это время года всегда начинало казаться, что она не почтенная пожилая дама, а совсем

юная девчонка, весело прыгающая в своём дворе с подружками через скакалку или по классикам, начертанным мелом на тротуаре. Ах, как это было давно! Но время в её мыслях утекало вспять, и она была счастлива.

А потом весь день пролетел незаметно в обычных домашних заботах. И вот пробившие в зале настенные часы сообщили, что уже пять часов вечера.

Андриана Карлсоновна решила, что, пожалуй, пора начинать готовиться к приходу Милочки.

Подруги часто встречались по вечерам, то у Андрианы, то у Милы. Лео на чаепитии появлялась не часто, но подруги на неё не обижались. Лео – женщина занятая, перемигивались они, посмеиваясь. Ведь у Леокадии целых два ухажёра – генерал в отставке Андрей Яковлевич Полуянов и профессор романо-германских языков Иннокентий Викентьевич Лавиловский. Лео жаловалась, говоря, что мечется между ними, как меж двух огней, не в силах остановить свой выбор ни на одном кавалере. Андриана и Мила не сомневались, что подруга лукавит и её вполне устраивает такое положение дел.

«Бедные мужчины, – время от времени вздыхала, сочувствуя поклонникам Лео, Мила, – за каждым из них невесты готовы в очередь выстроиться, а они оба запутались в сетях Леокадии».

Мила всегда приходила в гости к Андриане с Тишкой. Пёс не любил оставаться дома один. Он сразу же подружился с Марусей. Кошка и пёсик охотно играли вместе. А Фрея смот-

рела на Тишку с презрением, чуть ли не морщила нос.

А потом укоряла Марусю – как ты можешь дружить с беспородным псом!

– Он очень милый, – отвечала добрая Маруся на своём кошачьем языке, понятном только им.

– От него пахнет псиной! – фыркала Фрея.

– А вот и неправда, Тишка пахнет луговыми травами.

– Наверное, у него шампунь такой, – невольно проговаривалась Фрея.

– Ну, вот видишь, – радовалась Маруся, – так что никакой псиной Тишка не пахнет. А какая у него шелковистая шёрстка! – восторженно закатывала глаза Маруся.

– Вот и целуйся со своим псом безродным! – шипела Фрея.

– Не злись, сестричка, – Маруся примирительно дотрагивалась лапкой до головы Фреи.

И та, не желая ссориться с сестрой серьёзно, бурчала себе под нос что-то неразборчивое.

Андриана и Мила, встречаясь, забывали о своих мелких бытовых проблемах, пили чай и вели бесконечные разговоры. Как говорила Виолетта – чирикали, как два старых воробья на ветке.

Но пожилые дамы не обижались, только прыскали в ответ со смеху.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда доживёшь до нашего возраста.

– Я столько не проживу, – притворно вздыхала внучка Милы, – при современном-то ритме. – Но по правде говоря, она просто не давала себе труда задуматься над словами пожилых дам. Кто из нас в юности всерьёз думал о старости? Если такие и существуют на планете, то их можно пересчитать по пальцам на руках. Виолетта к этим единицам явно не относилась.

В тот майский день чаепитие должно было проходить на кухне Андрианы Карлсоновны.

Перестав витать в воспоминаниях и мечтах, она поднялась со стула, подошла к шкафу и стала доставать миниатюрные вазочки с вареньем.

Варенье было шведским. Не в том смысле, что его привезли из Швеции. Просто Андриана Карлсоновна варила его по рецепту своей прапрапрабабушки и свято верила, что этот рецепт нашептал прародительнице её муж, молодой красивый швед, которого она подобрала раненым после битвы под Полтавой, выходила и получила в благодарность его любовь.

Детей, которые у них родились, стали называть Шведовы. Отсюда и пошла первая часть фамилии всех потомков этой пары. Вероятно, настоящую фамилию шведа селянам произносить было сложно. А вторая часть закрепилась от самой прапрапрабабушки. По легенде, передающейся из уст в уста многими поколениями, на этом настоял отец невесты.

Позднее предки той спасительницы разбрелись по всей стране, унося с собой двойную фамилию – Шведовы-Коваль.

Родители Андрианы Карлсоновны волею судьбы обрели свой дом в городе на Волге.

Однако рецепт фирменного варенья бережно хранили почти все потомки прародительницы.

Андриана, расставив вазочки, уже собралась налить в чайник свежей воды, как зазвонил городской телефон.

Андриана Карлсоновна вышла в прихожую и подняла трубку.

– Говорите.

– Я не приеду к тебе сегодня! – послышался прерывающийся рыданиями голос Потаповой.

– Мила? Что случилось? – не на шутку встревожилась Андриана Карлсоновна.

– Я не могу!

– Говори толком!

– Виолетту забрали в полицию!

– В полицию? – изумилась Андриана. – За что?

– За хулиганство!

– За хулиганство? – не поверила своим ушам Андриана.

– Да! – громко разрыдалась подруга.

– Мила! Я сейчас приеду! Ты только не волнуйся! Мы вызовим Виолетту из любого узилища! – горячо заверила подругу Андриана, бросила трубку и сразу же перезвонила Лео: – Лео! Дуй к Миле немедленно!

– Это ещё зачем? – недовольно отозвалась Леокадия.

– Виолетту схватили и бросили в каземат!

– Анри! Что ты несёшь?!

– Я не несу! Объяснять некогда, я и сама толком ничего не знаю. Но звонила Мила и сказала, что Виолетту забрали в полицию за хулиганство!

– Значит, нашу девочку поместили не в каземат, а в обзьянник, – прагматично прокомментировала Леокадия.

– Час от часу не легче! – воскликнула Андриана, схватилась за сердце и выпустила трубку из рук.

Она повисла на проводе, и из неё донеслось:

– Анри, алло! Алло! Ты жива там?

Андриана поймала трубку:

– Жива, встретимся у Милы, – и опустила её на рычаг.

Глава 3

Андриана приехала к подруге первой, сначала она хотела вывести из гаража свой мотоцикл, но потом махнула рукой и поймала такси.

Дверь в квартиру Потаповых была распахнута настежь, на пороге лежал Тишка, уткнув морду в лапы, и тихо подвывал. Сердце Андрианы буквально ухнуло куда-то вниз, она рванула в квартиру и обнаружила свою подругу в гостиной. Мила полулежала в кресле с обвязанной полотенцем головой. В комнате витали запахи валерьянки и нашатыря. Возле Милы сутился старичок из квартиры напротив Фёдор Дмитриевич Богуславский. Было ему глубоко за восемьдесят. Он практически всю свою жизнь проработал в ветеринарной клинике. И был таким хорошим специалистом, что к нему на дом привозили своих питомцев не только его прежние клиенты, но уже и внуки их, племянники, крестники и другие родственники, а также соседи и знакомые.

Брать деньги за оказанную помощь Фёдор Дмитриевич категорически отказывался, ссылаясь на то, что он находится на заслуженном отдыхе и государство платит ему пенсию. Благодарные хозяева его четвероногих пациентов быстро нашли выход из сложившейся ситуации: холодильник Богуславского ломился от продуктов, овощи и фрукты, в том числе и заморские, не переводились у него в любое время

года. Фёдор Дмитриевич был человеком одиноким и просто не мог всё это съесть в одиночку, поэтому щедро оделял съестным своих пожилых соседей, а сладостями угощал детей всех окрестных домов. За глаза его уже давно прозвали добрым доктором Айболитом.

Над Милой и её внучкой Богуславский взял негласное шефство и помогал им, чем мог, при этом стараясь, чтобы его помощи никто не замечал.

– Ах, Андриана Карлсоновна! – воскликнул он. – Как хорошо, что вы пришли! А то я ума не приложу, что делать, хотел уже «Скорую» вызвать. Меня Тиша позвал. Я услышал, как он лает и царапает мою дверь, выхожу на площадку, смотрю, Милочкина дверь открыта, я сюда, она в обмороке, я вот нашатырь ей дал понюхать, потом валерьяночкой напоил.

Увидев, что напуганная Андриана побледнела как мел, доктор предложил:

– Может, и вам накапать валерьяночки?

– Нет, не надо, – отозвалась Андриана и только хотела расспросить подругу подробнее о том, что случилось, как в комнату ворвалась Лео, а следом за ней влетел и сел возле ног хозяйки Тишка.

– Мила! – прикрикнула Леокадия. – Хватит уже охать! Говори толком, за что замели Виолетку?! Что она отколола?

– Из милиции позвонили, – голосом умирающей проговорила Мила, – и сказали, что она пыталась сорвать свадьбу.

– Не из милиции, а из полиции! – топнула ногой Леокадия. – Когда ты уже начнёшь жить в реальном мире?

– Я, пожалуй, пойду, – тихо сказал Андриане Богуславский, – если что, я тут рядом.

– Идите, Фёдор Дмитриевич, – кивнула Андриана, – и спасибо вам.

– Не за что, – развёл руками старичок и направился к двери. Тишка вскочил и пошёл проводить доброго доктора.

Между тем Лео как следует встряхнула подругу:

– Какую ещё свадьбу?!

– Так сегодня же Филипп Окунев женится на Майе Лоскутовой, а Виолетта... – Мила снова собралась заплакать, но Лео показала ей кулак, и она передумала рыдать.

– Я не понимаю, как девчонка может сорвать свадьбу? – пожалала плечами Лео. – Истерику, что ли, закатила? Охрана могла бы просто вывести её из здания. При чём тут полиция?

– Я не знаю, – обронила Мила обессиленно.

– Нужно поехать туда и всё разузнать, – осторожно проговорила Андриана.

– Ты права! – одобрила Лео и скомандовала: – Девочки, за мной!

Увязавшегося за ними Тишку Лео остановила на пороге.

– Я сказала девочки! – прикрикнула она на пса. – А ты мальчик!

Тишка жалобно тявкнул.

– Не реви, – сказала Леокадия, – остаёшься дома за глав-

ного.

Тишка посмотрел на неё жалобными глазами, потом вздохнул и плюхнулся на бок.

– То-то же, – довольно сказала Леокадия и закрыла дверь на ключ.

Андриана на всякий случай позвонила в дверь Богуславского, а когда он показался на пороге, тихо проговорила:

– Мы в полицию, а Тиша дома остался. У вас ведь есть ключ от двери Милы, если что?

– Не беспокойтесь, Андриана Карлсоновна, – заверил её старый доктор, – я буду держать ситуацию под контролем.

Андриана легко, как девочка, сбежала вниз по лестнице, догнав своих уже спустившихся подруг.

Женщины забрались в салон «Ауди», принадлежащей Лео. Автомобиль был оранжевым. Когда при покупке авто Андриана спросила подругу, зачем ей такой яркий цвет, та ответила:

– А зачем яркий цвет, например, божьей коровке?

Леокадия, конечно, даже отдалённо не была похожа на божью корову, но Андриана на всякий случай ответила:

– Чтобы отпугивать хищников.

– Вот! Умница! – похвалила её Лео и пояснила: – И мне за тем же!

– Но где ты можешь встретить хищников? Ты же не ходишь в лес!

– Святая простота, – усмехнулась Лео, – моя машина бу-

дет отпугивать недоброжелателей и прилипал!

О недоброжелателях Лео трудно было что-то сказать, так как охотников связываться с бойкой и острой на язык Лео что-то не наблюдалось. А под прилипалами, как догадывалась Андриана, Лео имела в виду поклонников. Их у Леокадии всегда было не счесть. И сейчас, несмотря на то что Лео, как и всем им, исполнилось семьдесят, за подругой ухаживали и пятидесятилетние. Однако Лео зациклилась на двоих – профессоре и генерале.

– Виолетта беременна, – призналась в машине Мила.

Андриана испуганно пискнула, а Лео проговорила:

– Вот это номер. – И спросила: – Она тебе об этом сама сказала?

– Нет, я нашла в ванной тест с двумя полосками, – всхлипнула Мила.

– Не вздумай реветь! – прикрикнула на неё Лео. – Если срок маленький, можно и не рожать.

– Как это? – наивно распахнула глаза Андриана.

– Так это, – сердито отрезала Лео, – обратиться к врачу – чик-чик и всё!

– Нет, только не это! – замахала руками Мила.

– Тогда пусть рожает, – милостиво разрешила Леокадия, – дочку твою вырастили, внучку вырастили и правнучку или правнука тоже на ноги поставим. Силы у нас ещё есть.

Андриана облегчённо перевела дух и согласно закивала головой.

– Какие же вы, девки, дуры! – вырвалось у Леокадии.

Доехав до отделения полиции, Леокадия резко затормозила.

– Выметайтесь из машины! – приказала она.

Дежурный удивлённо уставился на трёх женщин, появившихся в отделении.

– Вы что-то хотели, гражданочки? – спросил он.

– Какие мы вам, юноша, гражданочки! – взъярилась Лео.

– А кто же? – растерялся молодой лейтенант.

– Дамы, сударыни.

– Су-су... – так и не выговорил он и перешёл на официальный тон: – Товарищи женщины! Что вам угодно?

– Нам угодно поговорить с начальником отделения.

– Но это невозможно!

– Почему это?

– Да потому что, если все женщины нашего района...

– Мы не все! – бесцеремонно перебила его Леокадия.

– Может, вы хотите подать заявление? Может, на вас напал маньяк или грабитель?

– А что, к вам поступил неопознанный мужской труп? – с нескрываемым интересом спросила Леокадия.

– Пока нет, – совсем растерялся дежурный.

– Значит, на нас никто не напал! – отрезала Лео. И пояснила: – Мы хотим забрать из вашего обезьянника...

– Мою внучку Виолетту, – не выдержав, вклинилась в разговор Мила.

– Нет у нас никакой внучки, – дежурный стал подозрительно осматривать всех трёх – не из психушки ли сбежали эти бедолаги.

Одна из сударынь – Мила – была одета в длинную широкую юбку и белую блузку, на Андриане красовался элегантный клетчатый костюм, юбка которого не прикрывала колени, а Лео щеголяла свободным платьем леопардового цвета с разрезами с боков почти до самых бёдер.

Леокадия тем временем задвинула Милу себе за спину и отчеканила:

– Виолетту Ивановну Потапову, двадцати лет от роду. Беременную, между прочим!

– Вы не могли бы объяснить всё по порядку, – устало попросил дежурный.

– По какому такому порядку? – понизив голос, спросила Леокадия. – Мне нужен начальник отделения! Иначе я сейчас же отправляюсь в прокуратуру! И уж там-то вам намылят холку! Хватать беременных девушек и запихивать их к бомзам! Беспредел какой-то!

Дежурный схватил трубку и, набрав номер, пискнул испуганно:

– Пётр Иванович! Это дежурный! Тут к нам ворвались три... – он хотел сказать ведьмы, но вовремя опомнился и проговорил: — ...пожилые женщины и обвиняют нас в подсаживании беременных девушек к бомзам.

При слове «пожилые» из глаз Лео и Андрианы в дежур-

ного полетели стрелы. И только Мила никак на это не отреагировала.

Невидимый Пётр Иванович, вероятно, не поверил подчинённому, так как тот начал оправдываться:

– Никак нет, Пётр Иванович! Я не тронулся умом! И докладываю вам как есть. – Послушав ещё голос из трубки, дежурный радостно отчеканил: – Есть проводить их в ваш кабинет!

Положив трубку, он проговорил, уставившись на Лео:

– Идите прямо, четвёртая дверь по правой стороне коридора. Пётр Иванович согласился вас принять и лично разобраться в вашем вопросе.

Леокадия постучала в нужную дверь и приоткрыла её. Андриана и Мила устремились за ней, но Лео прикрикнула на подруг:

– Вон стулья! Сидите здесь тихо, как мыши!

И подруги подчинились, при этом Мила зачем-то сказала:

– Как раз год Мыши идёт.

– Крысы, – поправила её Андриана.

– Всё одно, – вздохнула Мила.

– Не скажи, – не согласилась Андриана, – ты бы хотела поймать парочку пасюков вместо двух маленьких безобидных серых мышек?

– Я никого не хочу, – отозвалась Мила, – это тебе можно хоть крыс, хоть мышей!

– Это ещё почему? – удивилась Андриана.

– У тебя есть кошки.

– Мои кошки мышей и тем более крыс не едят, – поджала обиженно губы Андриана.

После чего обе подруги замолчали и больше не произнесли ни слова.

Вместо них разливалась Леокадия. Сначала она оценивающим взглядом осмотрела начальника отделения, который при её появлении поднялся из-за стола, представился Петром Ивановичем и жестом указал на стул.

Лео села с грацией королевы и назвала себя:

– Леокадия Львовна Стрижевская, искусствовед.

– Очень приятно, – наклонил седую голову начальник отделения. – Вы по какому вопросу, Леокадия Львовна?

– Мы три подруги, – начала Леокадия, – и у нас на троих одна внучка Виолетта Ивановна Потапова. Так случилось, что оба её родителя погибли, и мы воспитывали девочку втроём, хотя родной внучкой она приходится только Людмиле Павловне Потаповой. Естественно, что в воспитании девочки были свои трудности, но в основном Виолетта росла уравновешенным и добрым ребёнком. Окончив школу, она поступила в вуз. И тут, на свою беду, влюбилась в сына лавочника.

– Какого лавочника? – удивился Пётр Иванович.

– Евгения Окунева.

– Ах, вот оно что! – обрадовался начальник отделения, до которого наконец дошло, из-за чего весь сыр-бор. – Но,

уважаемая Леокадия Львовна, – Евгений Юрьевич Окунев никакой не лавочник, он владелец супермаркета, так сказать, уважаемый человек.

– Вот именно, так сказать! – взвилась Лео. – Вы поймите меня правильно! Мила – библиотечкарь по образованию, её разбившийся муж был военным, а вы ведь тоже офицер?

– Так точно! Подполковник!

– Вот видите! Андриана педагог с огромным стажем, я искусствовед! Понимаете, мы элита!

Подполковник машинально кивнул. Возможно, ему было лестно, что такая роскошная женщина отнесла его к элите, сочтя ровней себе.

Леокадия посмотрела на него одобрительно и продолжила:

– И вдруг к нам попытался примазаться отпрыск какого-то лавочника! Я говорила Виолетте с самого начала, что её связь с этим чуждым нам по духу элементом до добра не доведёт! Но она не послушалась меня! И вот результат! Насколько я понимаю, наша девочка влипла по самые уши.

– Я бы так не утрировал, – вставил своё слово Пётр Иванович, – но да, неприятность большая. Окунев-старший обвиняет Виолетту Потапову в хулиганстве. Тем более что невеста его сына упала в обморок и у неё чуть не случился выкидыш.

– Дочка банкира тоже беременна? – холодно поинтересовалась Леокадия.

– Почему тоже? – удивился начальник отделения.

– Потому что сын лавочника успел обрюхатить и Виолетту.

– Час от часу не легче! – вырвалось у Петра Ивановича.

– Теперь вы понимаете меня, Пётр Иванович? – Леокадия протянула ему свои холёные руки через стол, и он машинально принял их и поцеловал сначала одну, потом другую. Но вдруг опомнился и залепетал извинения.

– Я счастлива, что именно вы оказались на этом месте, – одарила его обволакивающим взглядом Лео.

– Я сделаю всё, что в моих силах, заверяю вас, Леокадия Львовна, что ваша воспитанница сегодня же окажется дома. Я прекрасно понимаю её чувства! Сам был молод и терял голову от любви! – подполковник смущённо закашлялся. Но тут же был поощрён ещё одним восхищённым взглядом Леокадии и добавил: – Так что идите домой и ни о чём не волнуйтесь. Девушка раньше не была замечена ни в чём предосудительном, поэтому я уверен, что мне удастся утрясти этот вопрос.

Леокадия сделала вид, что готова броситься подполковнику на шею и только благородное воспитание сдерживает её порыв. Подполковник едва не прослезился.

Уже оказавшись возле двери, Леокадия оглянулась и спросила:

– А что всё-таки натворила Виолетта?

– Да так, ерунда! – легкомысленно заверил её подполков-

ник. – Одедась в чёрное платье, набросила чёрную фату, раскрасила в чёрный цвет букет лилий и, пробравшись в ЗАГС, вручила их невесте. Та от неожиданности упала в обморок. Родня устроила переполох, вызвали полицию. То да сё, вашу барышню задержали и привезли к нам. Не могли уладить всё по-тихому, – в голосе подполковника прозвучало явное осуждение родни «лавочника», охочей до закатывания публичных скандалов.

В самом начале рассказа подполковника Леокадия охнула про себя, потом подумала одобрительно: «Молодец девка». Уходя, она подарила Петру Ивановичу третий взгляд, полный восхищения и благодарности.

«Какая женщина!» – подумал подполковник, когда за Лео закрылась дверь его кабинета.

– Всё, – сказала Леокадия своим подругам, – поехали домой. Виолетку сегодня отпустят.

– Но как же... – начала было Мила.

– Не кудахтай! – прервала Лео подругу и тут же пожалела: – Милка, не реви! Я же сказала, что всё утрясла.

– Он хоть симпатичный? – спросила Андриана.

– Кто? – удивилась Лео, уже забыв об очарованном ею Петре Ивановиче.

– Начальник отделения!

– А! Да, солидный мужчина, – проговорила она и улыбнулась, – жалко только, что женатый.

– А ты откуда знаешь?

– Обручальное кольцо у него на руке.

– Ты неисправимая сердцеедка, – улыбнулась Андриана.

– Ничего подобного, – не согласилась Лео, – за всю свою жизнь я не разбила ни одной семьи! Женатые мужчины не мой профиль!

– Но мозги ты им всё-таки пудрила!

– Только ради дела! – гордо заявила Леокадия.

Дежурный посмотрел вслед трём женщинам, покидающим отделение, и мысленно перекрестился. Он глубоко сочувствовал своему начальнику, храбро выдержавшему беседу с одной из них.

Молодой лейтенант и не догадывался о том, что подполковник не нуждался в его сочувствии и в глубине души даже завидовал самому себе, мысленно окрестив Лео жар-птицей, на минуточку залетевшей в его кабинет.

Глава 4

За несколько дней до этих событий Виолетта подкараулила в коридоре Филиппа Окунева.

– Фил, – сказала она, – ты не можешь жениться на Майе! – в глазах девушки стояли слёзы.

– Это ещё почему? – промямлил он, отводя глаза в сторону.

– Потому что я люблю тебя! И ты любишь меня! Ведь ты говорил мне об этом!

– Виолетта, пойми, – он коснулся рукой её плеча, – любовь тут совсем ни при чём.

– Как это ни при чём? – она стряхнула его руку. – Я беременна!

– Майка тоже, – вздохнул он.

– Как – тоже?! Ты что, и с ней спал?

– Так получилось, – он пожал плечами.

– Как это так получилось?! – Глаза Виолетты запылали от ярости.

– Да очень просто! – начал раздражаться Филипп. – Отец в категоричной форме велел мне жениться! Сказал, что этот вопрос вообще не обсуждается!

– Ты же мог отказаться!

– И остаться без гроша?! Отец сказал, что если я не женюсь на Лоскутовой, то не получу от него и ломаного гроша!

– Но мы можем сами зарабатывать! – топнула ногой Виолетта.

– Сами? – он иронически усмехнулся. – Моя нянька мне когда-то говорила, что трудом праведным не наживёшь палат каменных.

– А где сейчас твоя нянька? – тихо спросила Виолетта.

– На родину уехала.

– На родину? Она что, нерусская?

– Почему нерусская? – удивился Филипп. – Русская, вернее, украинка она.

– Понятно. Но как ты мог сразу же с Майкой?

– Я не нарочно, – начал оправдываться Окунев, – просто разругался с отцом, пошёл в ночной клуб, там Майку встретил, напился. Я даже не помню, как у нас всё это произошло. Но она вчера сказала мне, что беременна.

– А как же я?

– Срок у тебя ещё маленький, я деньги возьму у отца, и ты избавишься от ребёнка.

– Дебил!

– Сама ты дебилка! Если хочешь, рожай, я тебе алименты платить буду.

– Ненавижу! – закричала Виолетта. – Я всё равно сорву твою свадьбу! Вот увидишь!

– И не вздумай, – ответил он, – тебе же самой будет хуже. А мой отец никогда не отступает от задуманных планов.

– А ты знаешь, – неожиданно спросила Виолетта, – что в

мае жениться нельзя?

– Это ещё почему? – удивился он.

– Всю жизнь маяться будете!

– Что ж, с деньгами и маяться приятнее, чем всю жизнь с голым задом от счастья прыгать, – усмехнулся он.

Если бы у Виолетты в этот момент было под рукой что-нибудь тяжёлое, она непременно ударила бы Филиппа прямо в лоб. Но у неё ничего не было, поэтому она только облила его взглядом, полным презрения, и ушла.

«Глупая девчонка», – думал Филипп, глядя ей вслед с некоторым сожалением. Она нравилась ему, ему было с ней хорошо. Но идти против воли отца он не мог и не хотел. Филипп вообще не был создан для того, чтобы идти против течения. Ему хотелось только комфорта и удовольствий. Предстоящая женитьба на Лоскутовой, мягко говоря, не особо радовала его. Майя вообще была не в его вкусе. Ему не нравилась её внешность, он даже не мог представить свою супружескую жизнь с ней. Но ведь у них уже что-то было... Правда, он тогда был пьян до такой степени, что мог бы, наверное, переспать и с бегемотихой. Не нравилось Филиппу в Майе и то, что, по его представлению, она не была умна. Хотя он и сам не семи пядей во лбу. «Ладно, – думал он, – стерпится – слобится». Угрозу Виолетты сорвать их с Майкой свадьбу он, конечно, не воспринял всерьёз. И поэтому буквально остолбенел, впрочем, как и все присутствующие на торжестве, когда в зал вошла девушка в траурном гипюровом

платье, в чёрной фате и с букетом темных лилий в руках. Она напрямиком направилась к невесте и произнесла леденящим душу шёпотом, но так, что слышали все, кто стоял рядом:

– Счастья я тебе, Майя, не желаю! Пусть жизнь преподаст тебе урок! И навсегда отучит воровать чужих женихов!

– Я никого не воровала, – отозвалась невеста слабеющим голосом. Лицо её при этом по цвету сравнялось с белизной её подвенечного платья. А потом она и вовсе упала в обморок.

И тут только гости ожили и стали кричать:

– Хватайте её! Хулиганка! Террористка!

Виолетту, а это была она, схватили, вызвали полицию, был составлен документ о её задержании, и полицейский автомобиль увёз её в отделение.

Окунев-старший первым делом набросился на охранников, зачем они пропустили во Дворец бракосочетания девушку в чёрном.

– Сколько вам заплатили? – орал Окунев-старший, брызгая слюной из перекошенного от злости рта.

Охранники оправдывались, разводили руками, говорили, что они никого в чёрном, кроме жениха, не пропускали. Ситуация разъяснилась, когда возле одной из колонн обнаружился длинный плащ с капюшоном – пыльник кремового цвета. Все поняли, что девушка вошла именно в нём, а потом, сбросив маскировку, направилась к невесте.

Возле Майи суетился врач. Она умоляла отца отложить свадьбу, тем более что врач подтвердил, что стресс ей теперь

ни к чему, существует угроза выкидыша. Но отцы жениха и невесты, посоветовавшись, решили свадьбу не отменять. Они были уверены, что Майя девушка молодая, крепкая, выдюжит. Молодых расписали, и все отправились в ресторан, который сняли родители молодых. Гулять предполагалось до утра и весь следующий день.

Но в шесть часов вечера невеста повторно упала в обморок, и её увезли в больницу. Жених провёл первую брачную ночь наедине с бутылкой коньяка. Сидеть в коридоре возле палаты невесты он не захотел. Отца Майи Лоскутовой там тоже не было, впрочем, как и матери. Родители молодых вместе с гостями праздновали бракосочетание своих детей.

Невеста вышла из больницы через неделю. Чувствовала она себя всё ещё не очень хорошо, и свадебное путешествие было решено отложить на год.

Подполковник, как и обещал, отпустил Виолетту, хотя над ним и нависла угроза неприятностей. Но, к счастью, Лоскутов не вспомнил об обидчице своей дочери и не стал интересоваться её судьбой. Скорее всего, и банкир, и владелец супермаркета опасались раздувания скандала и широкого освещения его в местной прессе. Не дай бог, в процессе поднявшейся шумихи выплывет нечто совсем уж неудобоваримое из всего того, что имелось в их прошлом.

Начальник отделения перед тем, как отпустить Виолетту, по-отечески пожурил её, укорил за то, что она довела невесту до больницы.

Виолетта шмыгала носом и неустанно повторяла:

– А зачем она увела у меня жениха? А зачем она спала с моим Филиппом?

– Так ведь твой Филипп не бык на верёвочке, чтобы его уводили. Значит, он сам захотел уйти! – не выдержал Пётр Иванович, стукнул кулаком по столу.

– Ничего он не хотел! Его папашка пинками в стойло загнал!

– Так вот с папашкой бы и выясняла отношения! – вырвалось машинально у подполковника, но он тут же опомнился, сплюнул через плечо и грозным голосом произнёс: – Послушайте, барышня! Выбросьте из головы все ваши глупости! И учтите, если бы не ваша тётя!

– Какая тётя? – захлопала золотистыми ресницами Виолетта.

– Леокадия Львовна!

– Она не тётя, а бабушка, – поправила его Виолетта.

«Всем бы такую бабушку!» – мечтательно подумал начальник отделения, а на несносную девчонку сердито прикрикнул:

– Такая женщина не может быть бабушкой!

Виолетта прыснула со смеха, и Пётр Иванович погрозил ей пальцем, а потом сказал:

– Немедленно выметайтесь, барышня, вон! И чтобы глаза мои вас больше не видели!

Девушка не заставила себя ждать и опрометью кинулась к

двери, но голос подполковника её остановил:

– Впрочем, стойте.

– Что ещё? – недовольно спросила Виолетта.

– Куда вы пойдёте в таком виде, – он указал взглядом на её платье.

– А что в нём особенного, – возмутилась девушка, – может, у меня траур!

– Какой ещё траур? – проворчал подполковник.

– По утраченным иллюзиям!

Но Пётр Иванович уже куда-то позвонил, и вскоре в кабинете появился молодой лейтенант.

– Отвезёшь эту девицу домой, – распорядился он, – передашь из рук в руки её бабушке и возьмёшь расписку, что она доставлена в целости и сохранности!

– Я что, бандероль?! – обиделась Виолетта.

– А вас, барышня, никто не спрашивал! – прицыкнул на неё подполковник, и Виолетта смирилась. Она покорно последовала за своим сопровождающим, забралась в полицейскую машину, но всю дорогу сидела насупленная. Правда, время от времени она бросала на лейтенанта вопрошающие взгляды. Но он молча вёл машину и не обращал на неё никакого внимания. Остановив автомобиль возле дома Виолетты, он велел ей набрать по домофону номер её квартиры, но поговорить с бабушкой не позволил, отстранил и сухо произнёс: – Гражданка Потапова Людмила Павловна?

– Да, это я, – испуганно отозвалась бабушка Виолетты.

– Ваша внучка по приказанию подполковника доставлена, откройте дверь.

В домофоне радостно пискнули, и дверь подъезда отворилась. А когда лейтенант и Виолетта поднялись на площадку, на пороге квартиры стояли Мила, Андриана и Лео. Впереди всех сидел Тишка.

– Кто из вас Людмила Павловна? – растерянно спросил лейтенант.

– Я! – подняла руку Мила, точно примерная ученица, сидящая за партой в школе.

– Вот ваша внучка, – сказал лейтенант, подталкивая Виолетту к двери, – и вот здесь распишитесь, пожалуйста.

– Расписаться? – недоумённо переспросила Мила.

– Да, в том, что внучка вам передана.

– Расписывайся уже, – толкнула подругу локтем в бок Лео, – не задерживай человека. Он на службе. – И, уже обращаясь к лейтенанту, проговорила: – Спасибо вам большое, товарищ лейтенант! И передайте нашу искреннюю благодарность Петру Ивановичу.

– Обязательно передам, – заверил лейтенант.

– И кланяйтесь ему от нас! – успела вставить Андриана. За что тотчас получила тычок локтем в бок от Леокадии.

Оглянувшийся лейтенант обвёл их недоумённым взглядом, но обворожительная улыбка Лео смела его удивление и подарила искорку неведомо откуда взявшейся радости. И он, весело помахав им рукой, почти что вприпрыжку, точно

мальчишка, сбежал вниз по лестнице.

Виолетта хмыкнула, и острый локоть Леокадии теперь врезался под её рёбра.

– Бабушка Лео! – недовольно воскликнула девушка.

– Иди, иди, – грозным голосом проговорила Леокадия.

– Не ругай её, девочка и так расстроена, – попыталась вступить за внучку Мила.

– Её не ругать, а бить нужно! – сердито отозвалась Лео.

– А по-моему, нужно попросить Виолетту объяснить свой поступок, – постаралась остаться рассудительной Андриана.

– Ну, пусть разъяснит, – согласилась Лео.

Вскоре все они сидели в гостиной – бабушки на диване, Виолетта на стуле напротив, и Тишка у входа в комнату.

– Что вы на меня так смотрите, как будто я подсудимая, а вы судьи, – не выдержала Виолетта, – и даже охранник есть, – девушка кивнула на Тишку.

– Мы тебе не судьи, – сказала Андриана, – просто мы хотим понять, почему ты, взрослая девушка, ведёшь себя как малолетняя шкода.

– Это я от отчаяния! – внезапно расплакалась девушка. – Бабушки, простите меня! – Она бросилась на диван в объятия всех троих. Тишка, не желая остаться в стороне от всеобщего примирения, тоже запрыгнул на диван. И началась куча-мала! Женщины обнимались, плакали, произносили бессвязные слова прощения и утешения, Тишка взвизгивал и лизал всех четверых.

Наконец, успокоившись, бабушки и внучка сели пить чай с испечёнными Милой пирогами. Тишка получил полную миску рисовой каши с большим куском мяса.

Лео, размешивая сахар в чашке с чаем, задумчиво проговорила:

– Я одного не могу понять.

– Чего? – спросила Виолетта с полным ртом.

– Майя Лоскутова тоже влюблена в Филиппа Окунева?

– Какой там! – отмахнулась Виолетта. – Она по уши влюблена в Мишку Одинцова!

– Они с ним встречались?

– Целый год!

– Так почему же она не вышла замуж за Одинцова?

– Потому что он ботан!

– В смысле ботаник? – не поняла Андриана.

– Можно и так сказать, – рассмеялась Виолетта, – притом потомственный!

– То есть?

– Мать у него в школе биологию преподаёт, отец тоже биолог, но в НИИ.

– И что в этом плохого? – недоумённо спросила Андриана.

– Ничего, бабушка Анри, только Майкиному отцу ботаны не нужны! У них же, у богатеньких буратин, всё теперь как?

– Как?

– Деньги к деньгам.

– И Майя сразу согласилась выйти за Филиппа?

– Её подруга, Светка Лимонова, говорит, что не сразу, поломалась, отцу истерики закатывала, но это ей не помогло. И Майка согласилась.

– Выходит, что Майя тоже жертва? – спросила Леокадия.

– Никакая она не жертва! – возмутилась Виолетта и даже есть перестала. – Она моего Филиппа соблазнила прямо в ночном клубе!

– Что ты такое говоришь, глупенькая, – попыталась урезонить внучку Мила. – Где же она там могла соблазнить Филиппа? Он тебе наплёл, а ты и поверила.

– Где, где! Да хоть бы и в туалете!

– В туалете?! – ахнули в один голос Мила и Андриана.

Леокадия возвела руки к потолку и проговорила:

– Спасибо тебе, Господи, что наша молодость пришлась на иные времена.

– Так ты, бабушка Лео, и теперь своего не упускаешь, – съязвила Виолетта и тотчас получила шлепок.

– Как тебе не стыдно! – воскликнула Мила.

Андриана ограничилась укоризненным взглядом.

– Чего я такого особенного сказала, – попыталась обиженно оправдаться Виолетта.

– Лично я уверена, – категорично заявила Лео, – что твой Филипп сам соблазнил девушку, стараясь угодить отцу, тебе он наврал с три короба. А ты набросилась на ни в чём не повинную девушку и довела её до больничной койки! Совести у тебя нет!

– Ну и оставили бы меня тогда в каземате, – совсем как бабушка Мила, мрачно заявила внучка.

– Жалко нам тебя, дурынду, – за всех ответила Лео, – всё-таки ты наша родная кровиночка.

Виолетта уже совсем было собралась напомнить, что родная она только бабушке Миле, но вовремя прикусила язык, чем избавила себя от многих неприятностей.

На этом партийное собрание, как назвала его про себя Виолетта, было закончено. Подруги разъехались по домам, а бабушка с внучкой убрали со стола, перемыли посуду и легли спать. Тишка удобно устроился в ногах у Милы.

Утром снова ярко сияло солнце, доцветали в садах плодовые деревья, на улицах города разливалась волнами сирень и роняли белые лепестки ирга и черёмуха. Во дворах, заросших деревьями, рассыпали трели птички. А в скверах на набережной и в Загородном парке радовали посетителей своим пением соловьи.

В общем, жизнь, как говорится, продолжалась. И вроде бы ничего не предвещало новой грозы над головами трёх более или менее успокоившихся подруг и их воспитанницы.

Глава 5

Первого июня Андриана пребывала в прекрасном расположении духа. Она не спеша двигалась по дому, протираала пыль, поливала цветы, погружаясь в воспоминания и возвращаясь к реальности.

Вдруг она вспомнила, что ей нужно успеть сбежать за заказанным по случаю дня рождения Виолетты тортом. Он обещал быть великолепным! Они рисовали его втроем – на светло-салатном фоне двадцать переплетённых венков из голубых фиалок. Ведь имя Виолетта переводится как фиалка. А ещё торт к двадцатилетию их любимицы должны были украшать марципаны и орехи.

В кондитерскую Андриана решила позвонить со стационарного телефона. Сегодня он был в рабочем состоянии, и настроение у него было неплохое, хоть и настороженное. У стационарного телефона было имя и отчество – Макар Пантелеймонович. Макар, потому что жизнь у него в доме Андрианы Карлсоновны была нелёгкая. Всякий раз, переобуваясь, Андриана высоко задирала ноги, задевала провод, ведущий к розетке, и аппарат улетал туда, куда Макар телят не гонял. Но хозяйка замечала это далеко не сразу, и Макар лишался права голоса порой не на одни сутки. Так что именно безголосым он и проводил большую часть своей нелёгкой жизни. А красивое отчество Пантелеймонович ему было да-

но в утешение.

Но первого июня телефон был в полном порядке. Правда, при приближении к нему Андрианы он затаил дыхание.

Андриана же протянула руку, чтобы снять трубку, и вдруг аппарат разразился громким звоном.

«Кто бы это мог быть?» – подумала Андриана Карлсоновна, сняла трубку и привычно произнесла:

– Говорите!

В ответ не раздалось ни звука. Андриана подула в трубку и повторила:

– Говорите!

И тут трубка разразилась рыданиями.

– Кто это? Кто? – вопрошала ничего не понимающая Андриана, и наконец до неё дошло, что это плачет Мила. – Мила! Мила! Что случилось? – закричала она, не на шутку перепугавшись.

«Так и оглохнуть недолго», – вздохнул про себя многотерпеливый Макар Пантелеймонович, но тут же спохватился – лучше пусть кричат и рыдают, чем лишают его голоса.

– Виолетту схватили! – донёсся вопль отчаяния из трубки.

– Кто схватил?! Зачем? – ничего не понимая, закричала, в свою очередь, Андриана Карлсоновна.

– Полиция! Её арестовали!

– За что?! Она опять что-то натворила?

– Не знаю! Её арестовали за убийство!

– Мила! У тебя горячка! Кого Виолетта могла убить?

– Её обвиняют в убийстве Филиппа Окунева!

– Филипп убит?! – не поверила своим ушам Андриана.

– Да, они так сказали, – с трудом проговорив последнюю фразу, Потапова отключилась.

Андриана Карлсоновна некоторое время постояла с пищевой трубкой в руках, потом положила её на рычаг с такой осторожностью, точно она была сделана из хрупкого стекла.

Макар Пантелеймонович мысленно обронил слезу, расстроженный такой нежностью, которую он, разумеется, как и всякий уважающий себя мужчина, отнёс на свой счёт.

Андриана тем временем убрала обратно в шкаф варенье, которое недавно достала, и стала собираться к подруге.

– Сколько раз уж говорилось, что связываться с женатым мужчиной то же самое, что ходить по минному полю! Вот и нашла приключение на свою пятую точку, – возмущалась вслух Андриана, совсем забыв, что когда у Виолетты начался роман с Филиппом, он был холост.

Это теперь он был женат и то всего каких-то три недели.

– Неужели наивная Виолетта решила его развести? – воскликнула вслух Андриана и всплеснула руками. – А там что-то пошло не так. Но чем она могла его убить? Не сковородкой же? Нет, нет, – помотала головой Андриана, – да, я допускаю, что Виолетта могла пойти на многое ради того, чтобы отправиться под венец со своим Филечкой. Но чтобы убить! Виолетта не могла!

И только увидев уставившихся на неё удивлёнными глаза-

ми Фрейю и Марусю, Андриана сообразила, что всё это время разговаривала сама с собой вслух.

– А что, – сказала Андриана сердито своим кошкам, – если бы на вас столько всего свалилось, вы бы тоже спятили.

Кошки молча попятились из прихожей в комнату. И только когда за хозяйкой захлопнулась входная дверь, две хвостатые сестрички подбежали к телефонному аппарату и спросили:

– Макар Пантелеймонович! Что там случилось?

– Кажется, кто-то кого-то убил, – ответил Макар и почесал трубкой в затылке.

– Кто и кого?

– Я не совсем разобрал, они так визжали, кажется, Виолетта, – неуверенно ответил телефонный аппарат.

– Что Виолетта? – стукнула его лапкой Фрейя.

– Не дерись, – обиделся Макар Пантелеймонович, – а то не скажу больше ни слова.

– Ага, если не ответишь, то точно больше не скажешь ни слова, так как мы выдернем шнур из розетки.

– Вы не имеете права лишать меня голоса! – возмутился Макар Пантелеймонович.

– Фрейя пошутила, – примирительно проговорила Маруся, – ты, Макарушка, только скажи нам, это Виолетту убили или она сама кого-то?

– Кажется, она, – ответил успокоившийся телефонный аппарат.

– Если она, то они её отмажут, – махнула хвостом Фрейя и отправилась спать на диван.

– Думаешь, это так просто? – неуверенно проговорила последовавшая за ней Маруся.

Андриана Карлсоновна тем временем спустилась вниз, открыла гараж соседа, от которого у неё был свой ключ. Иван Абрамович любезно разрешал соседке хранить в его гараже своё транспортное средство – мотоцикл.

Так что уже через пять минут пожилая дама неслась на своём мотоцикле по дорогам города.

* * *

За шумом тихого дождя слышалось пение птиц. И было в этом объединении звуков что-то волнующее и умиротворяющее одновременно. Хотелось долго-долго сидеть и просто слушать. А ещё на этом звуковом фоне так легко и приятно было думать о чём-нибудь своём.

Вот и Морис Миндаугас настолько погрузился в свои мысли, что невольно вздрогнул от звука зазвонившего на столе телефона. Но тотчас протянул руку и снял трубку.

– Детективное агентство «Мирослава» слушает, – проговорил он привычно в трубку.

– Я сегодня не приеду, – раздался из трубки голос следователя Наполеонова.

Морис не стал спрашивать почему.

– Чёрт знает что творится! – возмущённо проговорил тем временем следователь. – Беременная девица уколошила своего бывшего любовника.

После этого Наполеонов, не дожидаясь ответной реакции Миндаугаса, просто положил трубку.

Морис послушал короткие гудки, вздохнул и подумал о том, что приготовление жаркого стоит отложить. Им с Мирославой и Доном не съесть столько...

– Пожалуй, обойдёмся курицей и салатом из цветной капусты, – решил он, – а вот что на десерт...

Додумать он не успел, телефон зазвонил снова.

– Детективное агентство «Мирослава» слушает.

– Вы-то мне и нужны, – донеслось из трубки нетерпеливо, – диктуйте адрес.

– Простите, вы не представились, – вежливо напомнил Миндаугас.

– Простите, я так расстроена, что совсем забыла о вежливости.

– Бывает, – обронил Морис.

– Меня зовут Андриана Карлсоновна. Но я не живу на крыше! – почему-то добавила она.

– Я догадываюсь. А ваша фамилия?

– Шведова-Коваль. Слышали?

– Извините, нет.

– Я долгое время преподавала в школе. У меня огромное количество учеников.

– Я учился не в этом городе, – ответил Морис, хотел добавить: и не в этой стране, – но воздержался.

Трубка тем временем то ли презрительно фыркнула, то ли хрюкнула и замолчала.

– Вы чего-то от нас хотите? – напомнил о себе Морис.

– Естественно! – возмутился голос в трубке. – Не со скуки же я вам звоню! – Через паузу было добавлено: – Я вообще никогда не скучаю!

– Рад за вас. Уточните, кто вам нас рекомендовал? – невозмутимо поинтересовался Морис.

– Какая разница! – вспыхнули на том конце провода, но после секундной паузы ответили: – Карина Викторовна Шумская.

– Какое у вас дело?

– Мне очень нужно найти убийцу! И как можно скорее!

Морису показалось, что женщина на том конце провода затопала ногами от нетерпения.

– Минутку, – проговорил он и переключился на кабинет Мирославы: – Там некая Андриана Карлсоновна Шведова-Коваль просит принять её, – проговорил Морис. – Хотя правильнее было бы сказать, что не просит, а требует.

– И что у неё?

– Убийство.

– Кто ей дал номер нашего телефона?

– Говорит, что Карина Викторовна Шумская.

– Интересно... Карлсоновна не сообщила тебе, чем она

занимается по жизни?

– Сообщила, что много лет проработала в школе.

– Теперь, надо думать, пенсионерка, но некогда учила тех, кто, как говорится, выбился в люди.

– Я тоже так понял.

– Ладно, у нас сейчас дел нет, назначь ей встречу на 18.00.

– Хорошо. А ужин?

– Поужинаем позднее.

– Шура не приедет.

– Тем более.

* * *

Наполеонов тем временем пытался добиться признания в убийстве от миловидной блондинки ангельской внешности. Чего только стоили её широко распахнутые глаза нежно-голубого цвета. Плотны сомкнутые губы небольшого, красиво очерченного рта и упрямо вздёрнутый вверх подбородок делали её одновременно трогательно-беззащитной и в то же время неуязвимой. Девушку звали согласно найденному в её сумочке паспорту Виолеттой Ивановной Потаповой. Сегодня ей исполнилось двадцать лет.

«Не девушка, а цветок, – подумал Наполеонов, – и имя соответствующее – Виолетта. Фиалка».

Студентка. Она заявила следователю, что беременна от Филиппа Окунева, ныне покойного. Именно это больше все-

го смущало следователя, так как девица была задержана возле трупа с пистолетом в руках. Но свою вину она полностью отрицала, утверждая, что пришла только поговорить с убитым.

– О чём? – спросил следователь.

– Я хотела попросить его развестись с Майкой.

– С какой Майкой?

– С Лоскутовой, естественно!

– Зачем?

– Чтобы мы могли с ним пожениться.

– С убитым?!

– Да, – фыркнула девица раздражённо, – чему вы так удивляетесь?

«Действительно, – подумал про себя следователь, – чему можно удивляться в этом мире, сошедшем с ума». А вслух спросил:

– Он обещал на вас жениться?

– Нет. Не совсем так. Но я думала... – она закусила губу, – я жду от него ребёнка.

– Это ещё не повод для того, чтобы разводить мужика и тем более убивать его, – ляпнул Наполеонов, не подумав. Хотя, если бы подумал, то сказал бы то же самое.

– Я уже объясняла вам, что я его не убивала! – негодуяще воскликнула задержанная. – И потом мы начали с ним встречаться ещё до того, как он женился на Майке!

– То есть он бросил вас ради неё?

– Да не он бросил меня! А его отец!

– Так вы и с его отцом состояли в интимной связи? – изумился следователь.

– Вы тут совсем обалдели! – девушка рассердилась, и на щеках её загорелись пунцовые пятна.

– Вы же сами сказали!

– Я не это имела в виду! Я хотела донести до вас, что Филипп бросил меня не сам! Его отец заставил!

– А у него не было своей головы?

– У него не было денег, – уныло проговорила задержанная.

– Понятно, ваш бывший возлюбленный женился на другой девушке из-за денег, и поэтому вы его пристрелили.

– Никого я не пристреливала! – Виолетта стукнула кулачком по столу.

– У меня есть сведения, – сухо проговорил следователь, – что вы проникли на свадьбу Окунева в траурном одеянии. Вы хотели таким образом предупредить его?

– Нет, я хотела напугать Майку! Я хотела, чтобы она отказалась от Филиппа и вышла замуж за своего Мишку!

– За какого ещё Мишку?

– За Одинцова!

– Почему она должна была за него выходить?

– Потому что они любят друг друга!

– Почему же тогда она за него не вышла? – совсем запутался следователь.

– Потому что Мишка – ботан!

– Кто, кто? – переспросил Наполеонов.

– Вам же русским языком говорят – ботан!

– То есть Одинцов учится на ботаника?

– Нет! Учимся мы все вместе. Просто Мишка из небогатой семьи и буквально помешан на учёбе! Деньги ему до лампочки. Он даже говорил, что самыми счастливыми людьми в древности были мудрецы, сторожащие чужие огороды.

– А Майе это не нравилось?

– Не столько Майе, сколько её отцу.

– Понял! На браке настояли родители молодых, так?

– Так, – удовлетворённо кивнула Виолетта.

– Вы хотели расстроить свадьбу, испугав невесту?

– Хотела, – тяжело вздохнула задержанная.

– Но у вас ничего не получилось?

– Нет.

– И вы решили заставить Филиппа Окунева отречься от молодой супруги при помощи пистолета?

– Не совсем так. Я просто хотела поговорить.

Следователь вздохнул. Он ни минуты не сомневался в том, что Потапова застрелила строптивного любовника.

За окном моросящий дождь о чём-то перешёптывался с ветром. Наполеонов подумал, как было бы хорошо, если бы дождь, ветер, солнце, деревья и прочие немые свидетели происшествий могли давать показания. Но к чему пустые мечты.

Следователь вздохнул и вернулся к допросу.

– Вас задержали на месте преступления, – в который раз повторил Наполеонов.

– Я уже сто раз объясняла вам, что пошла к Филиппу Окуневу с единственной целью – поговорить!

– И для большей убедительности прихватили с собой пистолет.

– У меня не было с собой оружия, кроме этого! – Виолетта провела рукой по довольно плоскому, с точки зрения Наполеонова, животу.

– Откуда вы узнали, что Окунев будет дома один?

– Мишка проболтался, – тяжело вздохнула Виолетта.

– То есть?

– Ну, он сказал, что Майя сегодня должна навестить свою мать.

– А ему откуда это стало известно?

– Они с Майей перезваниваются, хотя, конечно, и шифруются.

– То есть Майя не порвала со своим ботаном окончательно? – спросил Наполеонов.

– Не так чтобы, – пожала плечами Виолетта.

«Чёрт-те что!» – выругался про себя следователь и решил на всякий случай уточнить:

– Они продолжали видеться?

– Только в институте, – поспешно заверила его девушка.

И следователь догадался, что Виолетта сочувствует Одинцо-

ву, пострадавшему, как и она сама, от вероломства богатых родителей Окунева и Лоскутовой.

– А вы тоже виделись с Филиппом Окуневым только в институте?

– После того как он женился, да.

– Если бы ваш любовник развёлся с женой, он бы потерял отцовские деньги?

– Да, – кивнула девушка и уточнила: – Скорее всего. Хотя потом отец мог бы простить Филиппа.

– Филипп у Окунева единственный сын?

– Сын – да. Но у Филиппа есть младшая сестра Ира. Ириша.

– Сколько ей лет?

– Пятнадцать.

– Окунев-старший мог всё оставить дочери, – заметил следователь.

– Ну и пусть! – сверкнула глазами Виолетта.

– Видимо, Филипп Окунев придерживался иного мнения.

Виолетта хотела что-то сказать, но Наполеонов не дал ей этого сделать.

– Иначе вы бы не пристрелили его, – проговорил он жёстко.

– Я не собиралась его убивать! И не убивала!

– Ага, – иронично проговорил следователь, – вы надеялись, что он поблагодарит вас, если вы уговорите его развестись?

– Я не думала об этом.

– А о чём вы думали?

– О нашей любви и о ребёнке.

– На что вы собирались жить? Сели бы на шею своим родителям?

– У меня нет родителей! – возмущённо ответила девушка.

– Прошу прощения.

Но Виолетта не слушала его.

– Я бы перевелась на заочное отделение и пошла работать!

– Ваш любимый привык жить на широкую ногу!

– Но он тоже мог пойти работать!

– Куда?

– Мало ли, – растерянно отозвалась девушка.

– И вы думали, что смогли бы вдвоём обеспечивать себе такой уровень жизни, к которому привык ваш Филипп? – удивляясь её наивности, спросил следователь.

– А почему нет? – пожала плечами Виолетта.

– Вы или слишком недалёковидны, или глупы. Хотя есть ещё и третий вариант.

– Какой? – спросила она заинтересованно.

– Вы притворяетесь!

– Нет!

– Да! Вы с самого начала собирались убить Окунева.

– Зачем?

– Чтобы отомстить ему.

– Нет, я хотела только поговорить с ним!

– После убийства вы намеревались скрыться.

– Нет!

– Ваши планы были нарушены появлением Ирины Окуневой. Ведь вы никак не могли предположить, что младшая сестра Филиппа именно сегодня захочет навестить брата.

– Нет, не могла, – согласилась Виолетта с очевидным.

– А теперь расскажите всё сначала.

– Господи! Да сколько уже можно! – искренне возмутилась девушка.

– Столько, сколько потребуется. Как вы вошли в подъезд?

– Набрала номер квартиры на домофоне, и мне открыли.

– Кто вам открыл?

– Я не знаю.

– Но кто-то же спросил, кто вы?

– Нет, просто дверь подъезда открылась.

– И вас это не удивило?

– Нисколько, мы же заранее договорились с Филиппом о встрече.

– Что? – изумился следователь. – Вы договорились с Окуневым о встрече?

– Конечно.

– Каким образом?

– Я позвонила ему и сказала, что нам нужно поговорить.

– И он согласился?! – не поверил следователь.

– Представьте себе! Мы же интеллигентные люди.

– Вы врете!

– Нет, ну сначала он, конечно, заартачился. А потом согласился.

– С какого перепугу? Вы обещали убить его беременную жену?

– Не говорите глупостей!

– Тогда как же вам удалось добиться его согласия на встречу с вами?

Виолетта закусила губу, немного подумала, а потом решила признаться:

– Я сказала ему, что это наш последний разговор, и после него пообещала оставить его в покое.

– Он вам поверил?

– Да, – отозвалась Виолетта, – я же никогда его не обманывала.

– И на этот раз вы тоже сдержали своё слово.

– В смысле? – ресницы Виолетты взмыли вверх.

– Этот ваш разговор оказался последним.

– Да не было никакого разговора! Сколько вам уже повторять одно и то же?! – возмущённо закричала девушка.

У Наполеонова завертелось на языке нелюбезное слово, но он проглотил его и резко бросил:

– Рассказывайте дальше.

– Я вошла в подъезд, поднялась на лифте и позвонила.

– Кто вам открыл дверь квартиры?

– Никто.

– То есть?

– Я заметила, что дверь приоткрыта, толкнула её и вошла.

– В чужую квартиру?

– Я решила воспользоваться моментом. Я боялась, что Филипп мог передумать и не впустить меня.

– Но вы же интеллигентные люди, – не удержался от язвительной реплики Наполеонов.

– Ну, мало ли, – подозреваемая неопределённо пожала плечами.

– Когда вы подошли к квартире, никто не спускался с лестницы, не выходил из другой квартиры, не поднимался вверх?

– Нет. Я только слышала какой-то шорох наверху.

– Какой шорох? Шаги?

– Не знаю. Если и шаги, то крадущиеся...

– Хорошо. Когда вы вошли, где был Филипп?

– Он лежал на диване. Я сначала ничего не поняла. Потом увидела рядом пистолет и подняла его.

– Зачем?

– Я не знаю, – испуганно прошептала Виолетта, – это получилось само собой!

– Что вы сделали с пистолетом?

– Я держала его в руках...

– А потом?

– Потом кто-то пискнул за дверью и убежал. Я тоже хотела убежать, но тут ворвался какой-то парень и выбил у меня пистолет из рук. Он стал кричать на меня. Позднее я узнала,

что это сосед, которого встретила выбежавшая из квартиры сестра Филиппа. Я пыталась ему объяснить, что Филипп, наверное, сам застрелился, а этот парень запихал меня в ванную, закрыл на щеколду и вызвал «Скорую» и полицию.

– И это всё?

– Всё. То есть, конечно, нет. Появилось много людей. Меня допрашивали там, потом повели вниз, затолкали в машину и привезли к вам. И теперь вот вы измываетесь надо мной.

– Я измываюсь над вами?! – изумился следователь.

Она устало кивнула.

– Вас задержали на месте преступления! – напомнил он сурово.

– Но я же не виновата, что оказалась там.

– А кто виноват? Дед Пыхто?!

– Не знаю я никакого деда, – отмахнулась она.

– С чего вы взяли, что Филипп Окунев мог застрелиться сам?

– Ну, как же? – удивилась она. – Я пришла, Филипп убит, рядом никого нет.

– У него не было причин для самоубийства!

– Как это не было? А я? А Майка?

– Я что-то не понимаю.

– Всё очень просто! Филипп любил меня! Хотел жить со мной! Но понимал, что нам не дадут пожениться. Жизнь с Майкой показалась ему такой невыносимой, что он застрелился.

– Бред! – сердито выкрикнул следователь.

– Ничего подобного, – возмутилась Виолетта, – вы просто не хотите признавать очевидное! Вам бы только повесить дело на невинного человека!

– Ну, всё! – Наполеонов вызвал конвой. – Уведите эту гражданку прочь с моих глаз!

– Вы что же, задерживаете меня? – искренне удивилась Виолетта.

– Нет, собираюсь выписать вам путёвку на курорт, а себе направление в психушку.

– Зачем? – успела она спросить, прежде чем её увели.

– Для поправки здоровья, – буркнул вслед ей Наполеонов.

* * *

Оставшись в кабинете один, следователь взял фотографии, сделанные полицейским фотографом Валерьяном Легкоступовым на месте преступления, и, слегка поморщившись, разложил их на столе.

Валерьян, как всегда, был в ударе, снимки походили не на документальное свидетельство с места преступления, а на кадры из криминального фильма высокого качества.

Ярко-красное покрывало на диване выглядело кровавым фоном разыгравшейся трагедии, а молодой парень, очень привлекательный, судя по его прижизненным фотографиям, казался актёром, прикрывшим глаза на время съёмки сце-

ны. Возникало ощущение, что, как только отъедет камера, он откроет глаза и примется поправлять грим или спорить с ассистентом режиссёра. Но Наполеонов знал, что всё это не постановочная сцена, а чудовищная реальность. Поэтому от ошеломляющей художественности запечатлённого у следователя свело челюсти, и он, напустив на себя мрачность, мысленно ругал Легкоступова, не затрудняя себя выбором слов.

– Что за человек такой! – пробормотал он, не выдержав, вслух. – Просили же его не выделываться и не строить из себя гения, а снимать по-человечески, документально.

Тут он заметил рассыпавшиеся по пёстрому ковру бусы. Они благодаря искусству Валерьяна мерцали на орнаменте ковра, точно капли росы на живых цветах.

«Интересно, как они туда попали, – подумал следователь, – надо выяснить, не было ли бус на Потаповой, когда она ссорилась с Окуневым перед тем, как застрелить его». Наполеонов взглядом попытался отыскать бусинки на покрывале или на одежде убитого. Но не нашёл ни одной.

Выходило, что бусы порвались во время падения Окунева. Однако пуля зацепить их не могла... или могла? Скорее всего, во время ссоры он дёрнул нитку, она порвалась, бусы рассыпались и лишь после этого прозвучал выстрел.

Однако всё это опять же указывает на подозреваемую Потапову, даже если Окунев сам напал на девушку, выведенный из себя её домогательствами и угрозами.

«Может, стоит попробовать попросить Незовибатько найти отпечатки пальцев на бусинах или на нитке? Хотя вряд ли это возможно...» Наполеонов прикрыл глаза и попытался представить ссорящихся девушку и парня. Ему это почти удалось.

Но тут в дверь постучали, сначала тихо, потом сильнее.

– Да, да, войдите, – только тут Наполеонов вспомнил, что приглашал на это время Марата Сергеевича Литвинова – соседа, на которого налетела Ирина Евгеньевна Окунева, сестра убитого, увидев сокурсницу брата с пистолетом в руках.

Дверь приоткрылась, и в её проёме показался долговязый парень.

– Можно? – спросил он.

– Да, проходите и садитесь, – Наполеонов указал на стул напротив себя.

Следователь пригляделся к парню и отметил про себя, что он несколько не похож на героя, способного обезоружить преступника с пистолетом, даже если это девушка. Но внешность обманчива. Доподлинно известно, что именно Марат Литвинов отнял у Виолетты заряженное оружие.

Парень тем временем уселся на стул, посмотрел на следователя и проговорил скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Вы хотели меня видеть.

«Очень», – подумал про себя Наполеонов, а вслух произнёс:

– Без ваших объяснений следствию не обойтись. Ведь это вы задержали подозреваемую?

Литвинов почему-то тяжело вздохнул и кивнул:

– Я.

– Расскажите, как всё произошло.

– Я шёл к себе домой, лифт я не люблю, поэтому поднимался по лестнице, только поставил вторую ногу на площадку, как из квартиры вылетает девчонка и прямо на меня. Я и растеряться не успел, а она машет рукой на дверь и шепчет охрипшим голосом: «Там брата моего убивают». Ну я девчонку в сторону, сам в квартиру.

– Вы что же, не побоялись?

– Если честно, – признался парень, – я испугаться не успел. Рефлекс сработал.

– Хороший рефлекс, вас же подстрелить могли.

– Я тогда об этом не подумал. Да и времени на раздумье у меня не было. Вбежал я, значит, в квартиру и увидел девушку! В руках у нее был пистолет. А сосед лежал на диване. Я почему-то сразу понял, что он неживой. Пистолет я отнял, девушку запер и вызвал «Скорую» и полицию.

– Вы ни к чему там не прикасались?

– Нет, конечно, я что, дурной, что ли? – пожал плечами Литвинов. – Только до пистолета, иначе как бы я её обезоружил.

– Марат Сергеевич, а соседа своего вы хорошо знали?

– Какой там, – отмахнулся Литвинов, – они же квартиру

недавно купили и прожили в ней от силы три недели. Вроде они только поженились.

– Точно, – подтвердил следователь, – в начале мая, и квартиру эту молодым родители купили.

– Но вроде бы эта девушка с пистолетом не жена убитого парня, – с сомнением проговорил Марат.

– Не жена. Это его бывшая.

– Вот оно что, – протянул сосед, – ни одна фурия не сравнится с брошенной женщиной.

– Ваша правда, – вздохнул следователь. И спросил: – А сестру убитого вы сразу узнали?

– Девчонку, что ли? – удивленно спросил Марат.

– Да.

– Я её вообще не узнавал, так как не видел до этого ни разу.

– Она что же, раньше не приходила к брату?

– А мне почём знать? Я же говорю, они жили в этой квартире без году неделю. А я соседей на своей площадке месяцами не вижу.

– Вот жизнь пошла, – вздохнул следователь с сожалением, – а раньше все всё друг про друга знали.

– Мало ли что было раньше, – отозвался Литвинов, и по его тону следователь догадался, что Марата не слишком печалят произошедшие за последнее время изменения в общественной жизни.

– Ну, что ж, – сказал Наполеонов, – у меня пока к вам

больше вопросов нет. Возможно, вас потом попросят опознать Потапову.

– Да, пожалуйста, – отозвался Литвинов равнодушно, – раз надо, так надо.

Глава 6

Чуть позже секретарь Элла Русакова сообщила следователю, что пришла Ирина Евгеньевна Окунева.

– Одна? – удивлённо спросил он.

– Одна.

– Вот чёрт! Она же несовершеннолетняя, должна была прийти с кем-то из взрослых. Ладно, зови её.

В кабинет проскользнула худенькая девчушка в светлых брюках и футболке. Волосы у неё на макушке были стянуты в конский хвост.

– Ирина Евгеньевна, здравствуйте, – проговорил следователь.

– Здравствуйте, – обронила она бесцветным голосом.

– Наша беседа, к сожалению, не состоится.

– Почему? – без всякого интереса спросила она.

– Вы должны были прийти в сопровождении взрослых...

– Мне уже шестнадцать, – перебила его она, – вот мой паспорт. А взрослым сейчас не до того.

Наполеонов заметил, что глаза девушки заблестели.

– Хорошо, – сказал он, – проходите, садитесь.

Она молча прошла и села на указанное им место.

– Ирина Евгеньевна, я приношу вам свои соболезнования.

– Не надо, – девушка прижала ладонь ко рту.

Следователь видел, что она изо всех сил старается сдер-

жать рыдания. И не стал торопиться с началом разговора.

Прошло несколько минут. Ирина бросила на следователя благодарный взгляд:

– Спрашивайте.

– Насколько я понимаю, вы решили навестить брата спонтанно?

– В смысле? – удивилась она.

– То есть вы не договаривались заранее?

– Нет, – девушка покачала головой, – я просто соскучилась.

– Вы дружили с братом?

– Да.

– А вы знали, что его жены в этот день не будет дома?

– Нет, мы не созвонились.

– А с супругой брата у вас были хорошие отношения?

– Нормальные.

– То есть?

– Я жалела её, и она это знала.

– Что значит жалели? За что?

– Они с братом не любили друг друга. У Майи до Фили был другой парень. А Филя встречался с Виолеттой.

– Она нравилась ему?

– Он говорил мне, что она клевая. – Ирина не выдержала и всхлипнула. – Простите. Я сейчас.

Наполеонов встал со своего места, налил в стакан минеральной воды без газа из собственных запасов и протянул

стакан девушке.

– Спасибо, – Ирина отпила несколько глотков.

– Расскажите, что вы увидели... – начал следователь.

– Я увидела, что дверь в квартиру брата открыта. Я вошла.

А там Виолетта с пистолетом и Филипп лежит. Я выбежала на площадку, хотела позвать на помощь. А там этот парень. Он понял меня, хотя я не могла толком говорить, и вошёл туда.

– А вы?

– Я тоже. Он выбил у Виолетты пистолет, затолкал её в ванную, запер дверь и сразу вызвал «Скорую» и полицию.

– А дальше?

– Дальше всё как в тумане, – две крупных слезы стекли по щеке девушки.

– Вы позвонили своему отцу?

– Нет.

– Почему?

– Мама в последнее время плохо ладила с ним. И тётя Мара говорила, что папа маме изменяет. И я была зла на отца и из-за мамы, и из-за Филиппа. Я думала, что он и меня захочет выдать замуж за того, кто ему нужен.

– Кто такая тётя Мара? – спросил следователь.

– Сестра моего отца.

– Вы поддерживаете с ней отношения?

– Да, конечно, я очень люблю её. И она меня тоже.

– Напишите её адрес и телефон, – Наполеонов пододви-

нул к девушке лист бумаги. И Ирина послушно выполнила просьбу следователя.

– Ирина Евгеньевна, вы считаете, что вашего брата убила гражданка Потапова?

– Я не знаю, – потупилась Ирина, – мне казалось, что Виолетта не способна на это. Но ведь у неё в руках был пистолет, из которого убили Филиппа. – Девушка вопросительно посмотрела на следователя.

– Ирина, когда вы вышли из лифта и направились к своей квартире, вы не слышали выстрела?

Окунева замаялась, и следователь догадался, что в это мгновение девушке очень хотелось сказать: «Да, я слышала». Но всё же она не стала лгать и покачала головой.

Вопросов у Наполеонова к сестре погибшего больше не было, по крайней мере, на данный момент, и он решил не мучить девушку понапрасну, подписал ей пропуск, попросив напоследок на время оставить следствию свой телефон.

Ирина если и удивилась его просьбе, то ничем не проявила своего удивления, беспрекословно выполнив просьбу следователя, достала сотовый из кармана и положила его на стол следователя.

Наполеонов заполнил какую-то бумагу и протянул ей.

– Что это?

– Расписка, что ваш телефон у нас.

– Не надо, – отмахнулась Окунева, – я вам и так верю.

– Верю, не верю, это не здесь, – пробурчал следователь, –

возьмите и идите.

Девушка послушно засунула бумагу, выданную следователем, в карман и покинула кабинет.

* * *

Выйдя из здания Следственного комитета, Ирина Окунева медленно побрела к автобусной остановке. Смерть брата выбила её из колеи. Она не могла поверить, что Филиппа больше нет в живых. Всё её существо протестовало против этого. Но в то же время она знала, что это так. И никуда от этого не уйти, не убежать. Ирина не знала, что делать, как спастись от этой невыносимой боли, разрывающей её душу.

Девушка знала, что многие из её знакомых живут со своими братьями и сёстрами как кошка с собакой. Но у них с Филиппом всё было по-другому. Они с детства дружили и отлично понимали друг друга. Хотя разница в четыре с половиной года в детстве и кажется значительной, но потом она как-то сглаживается. Ирина рано повзрослела, и Филипп видел в ней не только сестру, но и друга. А она не помогла ему, не защитила его, корила себя девушка. Хотя что она могла сделать для него? Она ещё учится в школе, да и после вряд ли смогла бы помогать брату деньгами, чтобы тому не пришлось жениться на нелюбимой. Ирина просила отца не принуждать брата к женитьбе, но он и слушать её не захотел. Сказал, что она ещё мала, чтобы давать ему советы.

– Папа, это не совет, это просьба, – заплакала девушка, – если хочешь, мольба!

Но отец просто взял её за плечи и выставил из комнаты.

Ирина уже тогда решила, что если отец надумает и её судьбой распорядиться так же, она уйдёт из дома. Не нужны ей их деньги! Пусть подавятся ими! Лучше она сама станет зарабатывать себе, пусть и не на богатую, но зато на свободную жизнь. Филипп так поступить не мог. У него не хватило духу. И вот его больше нет.

Боль и отчаяние рвали в клочья её душу.

«Укрыться», – подсказало подсознание.

И Ирина резко изменила свой маршрут, свернула за угол и села в подошедший трамвай. Укрыться можно было только под крылом тёти Мары. В её доме, под её опекой боль, конечно, не растворится полностью, но хотя бы ослабнет.

Тётя Мара была старшей сестрой отца, но не родной, а сводной: у них были разные матери. Она являлась, пожалуй, единственным человеком, который не боялся перечить их с Филиппом отцу. Тётя и Филиппу до последнего говорила:

– Филя, послушай моего доброго совета, наплюй на отцовские деньги.

– Тётя Мара, где я буду жить? – восклицал Филипп.

– Да хоть бы и у меня, – отвечала пожилая женщина.

– А на что?

– Первое время на мои деньги, потом переведёшься на заочный, будешь учиться и работать.

– Тебе легко говорить, – ныл Филипп.

– Я в своё время сделала именно так, и твой отец, кстати, тоже.

– Тогда время было другое, – отмахивался брат.

– Нет, Филя, время всегда одно и то же, просто у нас с твоим отцом хребет был потвёрже. А ты изнеженный. Вон твоя сестра, – тётя Мара кивала на Ирину, – пожалуй, выдюжит.

Брат, конечно, к словам тёти Мары не прислушался, Филипп не любил прилагать лишних усилий. Несмотря на пылкую любовь к брату, Ирина замечала все его недостатки, просто не брала их в расчёт. Она умела любить Филиппа таким, какой он был.

И вот теперь Ирина ехала к единственному оставшемуся у неё близкому человеку, не столько по крови, сколько по духу. О духовной близости с родителями речи никогда не шло ни у неё, ни у брата.

Тётя Мара жила в Старом городе в доме с лепниной, некогда принадлежавшем купцу первой гильдии. Окна квартиры тёти Мары выходили на городской парк, который был заложен ещё в начале XIX века, жители по старой памяти, передававшейся из поколения в поколение, называли его Городским садом.

В этом саду прошла большая часть Филиппового и Ирениного детства. По молодости лет, а потом и из-за занятости родители частенько отправляли их гостить к тёте Маре. Гостевание нередко растягивалось на недели, а то и месяцы.

Филипп, когда повзрослел, норовил большую часть времени проводить с друзьями, а Ирина по-прежнему тяготела к уединению с тётёй Марой. В её доме ей было тепло и уютно. И ещё они в любую погоду почти каждый день гуляли вдвоём в Городском саду.

В потайных уголках памяти девушка бережно хранила прогулки по тенистым аллеям парка, катание на каруселях и качелях... Она каталась на велосипеде, а тётя любила сидеть на дубовой скамье возле клумб с петуниями, левкоями и бархатцами, головокружительно благоухающими под жарким летним солнцем.

Своих детей у тёти Мары не было, поэтому всю свою нерастраченную материнскую нежность она отдавала племянникам, вряд ли ожидая в будущем получить что-либо от них взамен. Хотя бы в силу того, что не умела дарить любовь с оглядкой или с задней мыслью. Не такой у тёти был характер.

В юности тётя Мара выходила замуж. Но её студенческий брак по большой любви, как говорила мама Иры, продлился всего два месяца. Расторгнут он был по инициативе тёти Мары. Причину своего решения она все эти годы хранила в тайне.

Ирина никогда не пыталась проникнуть в прошлое тёти. Ей было достаточно того, что она любит их с братом и посвящает им всё своё свободное время.

Правда, после того как Филипп повзрослел, существенная

часть внимания тёти стала доставаться Ирине. Филипп, естественно, не ревновал. Наверное, даже в то время, когда он был подростком, Филя радовался в душе, что сестра не пугается постоянно у него под ногами. Хотя никогда и не переставал любить её. Просто в силу мальчишеского максимализма в ту пору он считал, что девчонке лучше быть с тётей.

Потом в доме тёти Мары, к Иришкиной радости, появились старый дворовый пёс Босс и кот Семицветик, взятый тётей из приюта.

Оба новых жильца квартиры тёти Мары не могли составить конкуренцию племянникам хозяйки, поэтому они соперничали друг с другом.

Хотя, если уж придерживаться истины, права качал Семицветик, а Босс, несмотря на свою грозную кличку и внушительные размеры, предпочитал не связываться с эгоцентричным красавцем из рода кошачьих.

Когда на этот раз Ирина пришла к тётке Маре и та открыла ей дверь, девушка просто сказала:

– Тётя, я поживу у тебя.

Тётя Мара кивнула, ни о чём не спрашивая.

О том, что случилось с племянником, она уже знала, брат позвонил, проинформировал и, наверное, ожидал сочувствия и утешения, которых у сестры для него не нашлось.

Она считала, что в сочувствии и утешении нуждается её племянница, а брат сам заслужил всё, что свалилось на его голову.

Глава 7

Андриана Карлсоновна мчалась на своём верном коне сломя голову, казалось, она утратила инстинкт самосохранения, дважды она пролетала в узкую щель между двумя фурами и успела заметить, как водитель одной из них погрозил ей вслед кулаком. А один раз мотоцикл Андрианы бесцеремонно подрезал дорогуший джип с затемнёнными стёклами, который буквально взревел от негодования, и если б только успел, то, несомненно, сбросил бы её на обочину, а лучше в кювет.

Но бывшей учительнице было не до гнева раздувшихся от самодовольства новоявленных буржуа. Она, родившаяся и выросшая в СССР, проработавшая сорок пять лет на ниве образования и привыкшая, что всё в её родной стране принадлежит народу, нынешних богачей воспринимала как нечто потустороннее. И даже понимая разумом, что они существуют в реальной современной жизни, встречая их на своём пути, всякий раз удивлялась и категорически отказывалась верить собственным глазам, при этом чувствуя себя так, словно встретила нежданно-негаданно выпавших из сказочного мира Бабу-ягу, Кощея Бессмертного и Змея Горыныча. И ничего не могла с собой поделать. Недаром Карл Маркс, не к ночи будь помянут, говорил, что «бытие определяет сознание». Бытие Андрианы – почти вся её предыду-

щая жизнь – сформировало сознание, которое никак не желало влезать в прокрустово ложе так круто изменившейся действительности.

Несколько раз Андриану мельком посетили тревожные мысли о том, что её превышение скорости отразится на камерах дорожной полиции и ей пришлют такой штраф, что о-го-го! Но эти мысли пролетали в её голове стремительно, как кометы, и сгорали без остатка в атмосфере её нарастающего страха за Виолетту. Она чувствовала, что у неё под шлемом уже вся голова мокрая, и вовсе не от скорости, а от этого липкого навязчивого страха. Холодный пот струился и по спине, хотя её лёгкая блузка развевалась на ветру.

Мимо пролетали привычные улицы, кварталы, знакомые с детства скверики и не так давно появившиеся и полюбившиеся им с подругами кафе под разноцветными зонтиками, защищающими от летнего солнца и дождя.

Приехав к подруге, Андриана Карлсоновна мало чего смогла от неё добиться. Вся квартира пропахла валерьянкой, лицо Людмилы Павловны опухло от слёз, голос охрип, но она продолжала тихо рыдать.

Первое, что бросилось в глаза Андриане, – около Милы не было доброго доктора Айболита.

В квартире находились две сердобольные соседки. Как ни странно, они смогли сообщить Андриане гораздо больше, чем подруга Мила.

Итак, Виолетту задержали по подозрению в убийстве её

бывшего парня. И не просто задержали, а застали на месте преступления с оружием в руках.

– Какие уж тут ещё нужны доказательства, – заохала одна из соседок.

– Откуда у Виолетты взялось оружие? – спросила Андриана Карлсоновна подругу.

Не получив ответа, Шведова-Коваль взяла Потапову за плечи и энергично потрясла:

– Отвечай немедленно!

– Да откуда же мне знать, – беспомощно выдохнула та, трепыхаясь в руках подруги, и снова залилась слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.